

Владимир Горбань

Утомленные бытом

Сборник избранных иронических
рассказов

Владимир Горбань

Утомленные бытом

«Издательские решения»

Горбань В. В.

Утомленные бытом / В. В. Горбань — «Издательские решения»,

«Утомленные бытом» — второй сборник избранных иронических и юмористических рассказов Владимира Горбаня. Это тоже книга о чудиках и их несусветных приключениях. С библейских времен люди мало изменились, они влюбляются, женятся, заводят детей, радуются, огорчаются, скандалят, философствуют и всевозможными другими способами активно проявляют себя в быту. Любые бытовые истории можно увидеть под разным углом зрения. У автора этого сборника весьма веселый взгляд...

© Горбань В. В.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Как это было	7
Хлопотушечка	9
Так вышло	11
Капитанская теща	13
Сарайчик	15
Преобразователь	16
Быть уже не может	17
Старушкино мясо	19
Розыгрыш	21
Какие разные гаражи	22
Образцовый хозяин	23
Крысин и Доилов	24
Повышенной каратности и изумительной чистоты	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Утомленные бытом
Сборник избранных иронических рассказов
Владимир Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

На самом деле быт играет в жизни человека немаловажную, но все же, как свидетельствуют полицейские протоколы, не основную роль. Казалось бы, живи себе спокойно, пользуйся благами цивилизованного быта, установи счетчики потребления газа, воды и электричества, не засоряй канализацию, исправно плати налоги и будь постоянно счастлив относительно и хотя бы иногда абсолютно. Ан, нет, быт утомляет своим однообразием и невозможностью лихого куража. И тогда порывы души выплескиваются наружу, покидая уютные стены с таким предварительным трудом налаженного быта...

Как давно известно, общество состоит из дядь, тетей, детей и других возрастных, социальных и прочих разновидностей рода человеческого. И все они, представители этого рода, извините на минуточку, не хотят безмятежно сидеть по домам, тихо и спокойно смотреть телевизор или вязать внукам носки, а хотят вступать в различные взаимоотношения. Хотят разными способами взаимоотношаться, хоть ты тресни! А какая от этого, пардон, польза государству и его правоохранительным органам?! Одна головная боль и сплошные бюджетные порой непредсказуемые растраты!

Например, возьмем сферу высшего образования. Все понимают, что ученье – свет, но просвещать свои затемненные головы многие не хотят, предпочитая тратить бесценное время молодости на распитие пива в общественных местах на глазах у многочисленных свидетелей!

А что творится в святая святых? Я имею в виду отечественную медицину, которая в последние четверть века так и не научилась самым решительным образом бороться с пациентами, осаждающими пороги поликлиник и прочих бесплатных медицинских учреждений.

Есть еще депутаты, бюрократы, злостные неплательщики алиментов, свидетели Иеговы, сотрудники метеоцентров, заводчики собак, изобретатели вечных двигателей, мечтатели и прочие личности, вызывающие раздражение у той части населения, которая еще платит налоги!

И так было испокон века! Не верите? Тогда почитайте хотя бы Библию. И не видно ни малейших признаков радикального улучшения ситуации на этом фронте в ближайшем обозримом будущем.

В общем, для юмористов и сатириков всех направлений дел все еще непочатый край!

Как это было

В саду Эдемском жизнь была разлюли – малина. Адам с Евой вековали в любви и согласии без тещи и свекрови в собственном коттедже со всеми удобствами на живописном берегу Евфрата. В реке водились множество рыбы ценных пород, в камышах неподалеку гнездились несметное количество диких гусей и уток. Рядом с домом колосились бескрайние поля пшеницы, ржи, ячменя и проса. На лугах табунами бегали мустанги, мирно паслись стада коров и овец, а пчелы собирали мед. В саду круглосуточно плодоносили лучшие сорта винограда, яблони, груши, вишни, плоды которых были пригодны к спиртовому брожению. Жизнь была действительно райской, климат нежным и благоприятным для здоровья. Руки Адама не знали мозолей, Ева понятия не имела что такое деньги, откуда они берутся и куда деваются. Коммунальные услуги, свет, газ и вода были в раю бесплатными. В Эдемском саду отсутствовали милиция, прокуратура, суды, налоговая инспекция, санэпидемстанция, земельный комитет, пожарный надзор, общество охраны природы, профсоюз, региональные отделения политических партий и прочие привычные для нас структуры власти. Даже должности главы администрации Рая не существовало.

И всю эту первобытную разлюли – малину испортила женщина.

Вот как это было.

– Адася, дорогой, – мягким грудным голосом прошептала Ева, обнимая мужа в постели, – я хочу яблочко.

– Не вопрос ответил Адам, вскакивая с лебяжьей перины, – сейчас стоняю.

Он выбежал во двор и кинулся к ближайшей яблоне. Множество спелых, сочных плодов лежало на земле. Адам выбрал самое большое, самое красное яблоко и вернулся к жене.

Ева надкусила плод, скривила свои обольстительные губки и закапризничала:

– Не хочу это яблоко, принеси другое.

Адам вышел во двор, собрал полную запазуху яблок. Все они были великолепны, одно краше другого. Адам высыпал плоды на постель.

Ева надкусила одно, другое, третье, еще кривее скривила губки. И резким движением руки смахнула яблоки на пол.

– Ты не любишь меня! – глаза ее были переполнены слез. – Мне нужны качественные витамины, а не это гнилье!

– Да ты че, да ты... – разволновался Адам. – Да это натурпродукт! Где же я лучше достану?

Ева, размазывая слезы по щекам, соскочила с постели взяла мужа за руку и вывела во двор. Подвела его к той же яблоне и пальцем указала на макушку дерева:

– Хочу вон – то яблоко!

– Да ты че, да ты... – промямлил Адам, – оно же зеленое.

– Хочу зеленое, – сказала Ева, – хочу зеленое... хочу зеленое...

– Да ты че, да ты, – Адам взглянул вверх. Высоковато висело яблочко, не допрыгнуть. – Да как же я же его достану? Оно же вон же аж где висит!

– Будь мужчиной! – Ева со злостью топнула ногой. – Достань мне это яблоко!

– Да ты че, да ты...

– Хорошо, тогда я сама! И пусть я испорчу свой новый маникюр, пусть я исцарапаю свои пальчики...

– Да, ладно, да ты че...

Тут Ева не сдержалась, подскочила к яблоне и стала ее лихорадочно трясти. Яблоки градом посыпались с ветвей. Красные, сочные. Но зеленое висело и упрямо не желало падать. Ева разрыдалась, и никакие утешения мужа не могли ее успокоить.

– Ты не мужчина! – орала она, – ты не любишь меня! Пока не достанешь мне это яблоко, я тебя в постель к себе не допущу!

Бешеная кровь прилила к голове Адама. Рассвирепел он, ополчился. Кинулся с остервенением трясти яблоню. Все яблоки рухнули к его ногам. Кроме одного, зеленого. Схватил тогда Адам первую, попавшуюся под руку палку, замахнулся и сшиб злополучное яблоко. И отлетело оно прямо к ногам жены. Ева моментально успокоилась и заулыбалась приветливо.

Ну, а что было дальше – известно всем.

Хлопотушечка

Сына недавно я женила. Васятку. Он у меня такой лапушка, такой кисонька. Кровинушка моя ненаглядная. Не пьет, не курит, по дискотекам не шастает. Ляжет на диван и газеты читает, читает, читает. Очень образованный у меня Васятка. Интеллигентный, воспитанный. А жены себе взял недоразумение какое – то. Худющая, в очках. Правда, с высшим образованием.

Привел ее Васятка со мной познакомить и говорит прямо с порога!

– Это маменька – Леночка. Мы решили пожениться. Жить будем у нас. Она тебе понравится. Леночка такая хлопотушечка!

Слава Богу, думаю, мальчику уже сорок пять, пора и семьей обзаводиться.

Поженила я их. Поселила у себя. Решила от всех домашних забот – хлопот огородить.

Как – то затеялась пироги печь. Стала тесто замешивать, хлопотушечка тут как тут.

– Маменька, – бежит из комнаты, – что ж вы меня по хозяйству не привлекаете?! Давайте, я вам помогу.

Хватает чашку, муку, яйца. И начинает хлопотать. Тут же все пролила, рассыпала, разбила. Сама в муке, в яичной скорлупе. Смотрит на меня оленьими глазами, чуть не плачет.

– Иди, – говорю ей, – отседова. Иди вон к Васятке на диван, помоги ему кроссворд разгадывать.

Обиделась, ушла. Васятка со мной потом полдня не разговаривал.

А тут затеялась я белье постирать. Только выкатила на кухню стиральную машинку, хлопотушечка тут как тут.

– Маменька, – бежит из комнаты, – что ж вы меня по хозяйству не привлекаете?! Давайте, я вам помогу.

Хватает белье, стиральный порошок, отбеливатель. И начинает хлопотать. Все тут же пролила, рассыпала, сломала. Сама в порошке, в хвойной пене. Смотрит на меня газельими глазами, плачет.

– Иди, – говорю ей, – отседова, не суетись. Иди вон к Васятке на диван, помоги ему сканворд разгадывать.

Губы надула, ушла. Васятка со мной потом сутки не разговаривал.

Решила я как – то полы помыть, ковры пропылесосить. Только достала из кладовки пылесос, хлопотушечка тут как тут.

– Маменька, – бежит из комнаты, – что ж вы меня по хозяйству не привлекаете?! Давайте, я вам помогу.

Выхватывает у меня из рук швабру, тряпку. И начинает хлопотать. Через минуту разбила хрустальную вазу, люстру, аквариум. Сама в рыбках, водорослях. Смотрит на меня антилопьями глазами, рыдает.

– Иди, – говорю ей, – отседова, мать твою! Иди вон к Васятке на диван, помоги ему ребус разгадывать.

Убежала, хлопнула дверью. Васятка со мной потом неделю не разговаривал.

А вчера затеялась я простыни подшивать. Притащила на кухню швейную машинку, включила ее, строчу, строчу, строчу. Нет хлопотушечки.

– Обиделась, – думаю, – что ли?

Тут дверь на кухне открывается, появляется мой Васятка. Весь такой озабоченный, в костюме, при галстуке.

– Ты бы, маменька, – говорит, – так не шумела тут. Леночке покой нужен.

– Заболела, – спрашиваю, – что ли твоя хлопотушечка?

– В положении она.

– В каком положе... Да ты что? – Я аж со стула чуть не свалилась. – Смогла?!

- Смогла, маменька.
- Сама смогла?!
- Сама, маменька!

Я так обрадовалась, так обрадовалась! Ну, думаю, хлопотушечка! Внучонка мне, наконец – то, родит. Сама! Смотрю на Васятку, и сердце у меня радостью наполняется. Молодец хлопотушечка! Надо будет с пенсии какой –нибудь ценный подарок сделать!

Так вышло

– Ну, как же так? Ну, разве же так можно? – Пожилой седоволосый милицейский подполковник посмотрел на Кузьму Афанасьевича. Но как – то особо посмотрел. Ни с укором, а с пониманием, – как же так?

– Дык, вот так! – Кузьма Афанасьевич растерянно развел руками, – лезет и лезет. Лезет и лезет. Ну и все.

– Нет не все, – подполковник взял со стола бумагу. – Тут вот в протоколе все черным по белому написано. Вот «...со всего размаху, прибывая в отчаянной ярости, оторвал от потолка люстру...».

– Чаво?

– Люстру зачем от потолка оторвал? – усмехнулся седовласый подполковник.

– Дык, так вышло, – Кузьма Афанасьевич потупил виноватые глаза в пол, – я ить ей говорил. А она лезет и лезет. Я ей говорю, мать твою, а она лезет и лезет.

– Не матерись, Кузьма Афанасьевич, – подполковник едва сдержал улыбку, – тут вот в протоколе далее черным по белому написано. Вот «...и опустил ее на голову, пребывающей с ним в законном браке...»

– Дык, лезет и лезет, – Кузьма Афанасьевич вновь развел руками. Я ей говорю, мать твою, так и так...

– Не матерись!

– Ну, она лезет и лезет. Так вышло.

– Да ты объяснить толком можешь, что у вас там произошло?

– Могу.

– Ну и объясни.

Кузьма Афанасьевич оторвал глаза от пола. В них заиграла обида и отчаяние. Подполковник нервно закурил.

– Да ты присаживайся на стул, Кузьма Афанасьевич. Закуривай. И расскажи толком. Тут практикант мне в протоколе такое написал! Прямо «Преступление и наказание»!

– Да какое же это преступление?! – обиделся Кузьма Афанасьевич. Он без всяких церемоний уселся на стул, закурил. – Лезет и лезет.

– Кто лезет? Куда лезет? – подполковник стал уже нервничать.

– Дык, баба моя лезет!

– Куда лезет?

– Под руку. Ванюшка, внучок старший привез, стало быть, посуду. Ну, хреновина такая на потолок вешается.

– Н у? – усмехнулся подполковник, вновь заглядывая в протокол. – Люстра?

– А сам уехал. И хреновину эту оставил. Ну, а бабка моя, значит, всю неделю мне плешь проедала. Повесь! Повесь! Повесь люстру! Прямо без этой люстры ей жизнь не мила! Прямо мать твою...

– Не матерись!

– Ну, выкатил я стол посреди хаты. На стол табуретку поставил. А она лезет и лезет. Лезет и лезет...

– Куда лезет – то?

– Да со своими советами лезет! С дурацкими советами! Под руку лезет! Я кое – как на табуретку забрался. Все шатается. Ноги шатаются, табуретка шатается, стол шатается и полы того, тоже шатаются. А она лезет!

– С советами?

– С ними, мать твою!

- Не матерись, Кузьма Афанасьевич.
- Вот и она кричит – не матерись! А я что, я шибко то и не матерился. Ноги у меня зашатались. Завслед табуретка зашаталась, стол, полы. Ну, все, думаю, навернись, мать твою!
- Ну и за люстру руками цоп. А она на одном гвозде. И оторвалась, мать твою!
- Да не матерись ты!
- Да как же не материться! Бабка с советами лезет, табуретка шатается, люстра на соплях висит! Мать ее в качель эту люстру! Схватился я за нее руками. Оторвал от потолка. Да не удержал. Ну, а бабка ж рядом крутилась. Ну и получила люстрой по голове! Так вышло.
- А дальше что?
- А ничего. Внучок новую люстру купит. Без света не останемся.

Капитанская теща

Петюню Порохова теща достала. Задолбала мужика своими частыми визитами. Она живет в махонькой деревеньке недалеко от города. Всего триста верст ежельи по прямой. Теща Петюнина, Мария Ивановна, до выхода на пенсию в школе завучем по воспитательной работе сорок лет от звонка до звонка отработала. Не приведи, господи! А как только от нее в школе еле – еле избавились, стала она Петюню учить, воспитывать и перевоспитывать. Стала приезжать часто, как на работу. Припрется в субботу рано утром, разложит на кухонном столе свои конспекты и кричит громогласно:

– Петюня, зятек, вставай, двоечник!

А Петюне бы поспать всласть после вечерней смены. Так нет, встает он, одевается по цивильному и плетется на кухню с книжками и тетрадками под мышкой.

– Ну что, Петюня, – спрашивает Мария Ивановна, – выучил ли ты домашнее задание, двоечник? Прочитал ли до конца «Евгения Онегина»?

– Да я, да вот... – мямлит Петюня, переминаясь с ноги на ногу. Очень уж он столбенеет перед бывшем завучем по воспитательной работе.

– Садись, зятек, за стол, продолжает теща, – вот тебе тетрадь, авторучка. Пиши сочинение на тему «Татьяна Ларина – образец тургеневской девушки».

Петюня безропотно садится за стол, берет тетрадку, авторучку и корявым почерком недоучившегося второклассника начинает выводить буквы «Татьяна Ларенова абразес хорошей девушки...» И потом смотрит сосредоточенно в потолок, буд – то там ему кто – то нужную шпаргалку скотчем приклеил.

И так все выходные кабелю под хвост. То грамматика, то чистописание, то чтение Пушкина вслух. Второй год приезжает Мария Ивановна по субботам рано утром, руки в боки и учит, воспитывает и перевоспитывает Петюню. Хочет из него человека сделать по образу и подобию своей единственной доченьки Олечки.

Отработал как – то Петюня на стройке в пятницу вечернюю смену, бредет по улице домой. А на душе у него беспокойно. Кошки у него на душе шкрябают. Домашнее то задание не сделал. А на утро теща явится. Как штык. Бредет по улице Петюня домой хмурый, озабоченный. Другие мужики уже в кабаке, недельную усталость водкой с пивом на разлив снимают. А Петюня домой бредет. Нельзя ему в кабак. Он еще Пушкина не всего прочитал. У него утром сочинение по «Капитанской дочке». Бредет Петюня, потупив взор, повторяя про себя: «Жи – ши пиши с буквой и, ча – ща с буквой а». Закурил на углу. Вечер выдался чудесный. Фонари уже зажглись, рекламы всякие. И не понял Петюня как опустилась его уставшая рука к тротуару, как подняла она огромный булыжник – орудие пролетариата. И как запустила она это орудие в огромную витрину супермаркета. Раздался оглушительный взрыв. Разлетелось вдребезги стекло, рассыпалось миллионами осколков по тротуару. Заиграли осколки в свете фонарей всеми цветами радуги. Стоит Петюня у разбитого окна с раскрытым ртом, смотрит зачарованно на стеклянные искры и ступить с места не может.

Подъехала милиция. Схватили Петюню два сержанта под микитки и в воронок. Привезли в отделение.

Капитан спрашивает устало:

– Зачем вы гражданин Порохов Петр Сергеевич витрину разбили? Вы же абсолютно трезвый!

– Да я, да вот, – мямлит Петюня, переминаясь с ноги на ногу. Вспомнил отчего – то про «Капитанскую дочку» и совсем дара речи лишился.

– Обидел тебя что – ли кто? – недоумевает капитан. – Что – то случилось?

– Теща завтра приезжает, – горько вздыхает Петюня. – Мария Ивановна.

- Понятно, – горько вздыхает капитан. – Надолго?
- На все выходные.
- Понятно, – капитан нервно закуривает, участливо смотрит на испуганного Петюню.
- А стекло зачем разбил?
- Капитанскую тещу, тьфу ты... дочку не прочитал.
- Ясно, – капитан затушил в пепельнице сигарету, еще раз устало взглянул на Петюню, – сержант! – крикнул он строго. – Оформи этого чудика на пару суток в одиночку. Пусть он выходные в тишине и покое проведет!

Сарайчик

Иван Михайлович, прораб со стажем и заслуженный строитель сидел за письменным столом и пытаясь от напряжения, сочиняя для прокурора оправдательную записку. Мыслей в голове роилось множество, рука, привыкшая к пивной кружке, с трудом выводила корявые буквы.

«В мае текущего года наше строительное управление завершило возведение восьми-подъездной жилой девятиэтажки. Был осуществлен подвоз всех необходимых коммуникаций, завершилась внутренняя отделка здания. Четыре бригады ударно трудились, проявляя смекалку. Высокие темпы строительства...»

Иван Михайлович взглянул на часы. Стрелки указывали на глубокую ночь. Но к утру нужно было завершить оправдательную записку. Иван Михайлович закурил и продолжил составление текста.

«...предполагали сдачу объекта в начале июня. Но неожиданно приехал Семен Степанович, начальник управления. Он осмотрел строительство и дал указание снести сарайчик во дворе будущего дома. На его месте Семен Степанович приказал заложить детскую площадку. Я тут же отправил бригаду строителей с указанием разобрать сарайчик. Через пару часов явился их бригадир Ефремыч и доложил, что сарайчик подручными средствами разобрать не удастся. Я выругал его матом и отправил за отбойными молотками. На следующее утро Ефремыч явился ко мне злующий и доложил, что отбойные молотки кладку не берут, что все стержни они о кирпичи изломали, а сарайчику хоть бы хны. Я вновь и весьма тщательно выругал Ефремыча матом и приказал ему для сноса сарайчика задействовать бульдозер. Ефремыч не появлялся мне на глаза целую неделю. Затем пришел, сильно выпивши, видать для пущей храбрости, и заявил, что нож у бульдозера вышел из строя, а сарайчик так и не поддается слому. Я долго матерился, таскал Ефремыча за грудки и хотел его ударить по лицу...»

Иван Михайлович вновь закурил и уныло уставился в оконную занавеску. Виновным он себя не признавал, воспоминания о прошедшем вызывали лишь злобу.

«...тогда я вызвал бригаду взрывников и приказал к едрене – фене взорвать этот сарайчик, который меня достал уже до самых печенок. Взрывники заложили заряд и бабахнули...»

Тут Иван Михайлович невольно улыбнулся собственной смекалке. Взрыв хотя и не был сильным, но шуму наделал много.

«...В результате взрыва рухнула, возведенная нами в мае восьми-подъездная девятиэтажка. А сарайчик, мать его, остался невредимым, только штукатурка на нем слегка осыпалась. И на одной из стен мы обнаружили древнюю надпись...»

Иван Михайлович вновь нервно закурил.

«...Сию часовню возвел холоп Ефимка. Работал он без должного радения, зело скверно, за что и был трижды порот плетью...»

Преобразователь

Инженер Чулков работал в лаборатории метрологии и стандартизации одного из провинциальных НИИ, довольствуясь скромной должностью и символическим окладом. Другой на его месте давно уж плюнул бы на все и подался в предприниматели, стал бы акулой бизнеса, а то и вовсе депутатом или олигархом. Но Сергей Петрович и думать никогда не смел о карьере, славе и прилагающимся к ним шальным деньгам. Был он неудержимым преобразователем, благодетелем человечества. Чулков непрерывно что – то изобретал, рационализировал, усовершенствовал и перестраивал.

«Кто же, если не я, осчастливит этот безумный мир!» – сладостно думал Сергей Петрович, увлеченно просиживая все свое свободное время за домашним кульяном, и глаза его при этом пламенно горели.

Начинал Чулков свой нелегкий путь преобразователя лет двадцать назад со сковородки с пуленепробиваемой крышкой. Затем были изобретены электробритва с дистанционным управлением, велосипед на воздушной подушке, мясорубка со свистком, зонтик для водолазов и стиральная машина с реактивным двигателем. Последние полгода Сергей Петрович отчаянно бился над проектом по созданию ковра – самолета на гусеничном ходу. Но когда черновые варианты чертежей уже были готовы, очередная муха изобретательства укусила Чулкова.

Идея, как всегда, нагрянула глубокой ночью. Цвела сирень. Сергей Петрович стоял у распахнутого окна, помешивая пустой чай в стакане мельхиоровой ложечкой со встроенной видеокамерой. «На черном кителе небес мерцают пуговицы звезд. Рассвет уже почти воскрес и ночи жалко мне до слез», – вспомнил Сергей Петрович строчки одного малоизвестного поэта и загадочно улыбнулся. Но далее его на лирику не тянуло. В желудке было пусто. В холодильнике – тоже. И потому в голове стали выкристаллизовываться четкими крупичками, без какой – либо примеси корысти, могучие технические мысли.

«Ведь это же так просто, как три рубля!» – восхитился Чулков собственной догадкой. Все утро он провел за письменным столом, решив основную закавыку проблемы, а на следующий день взял отгулы и плодотворно провел три дня за чертежной доской.

Через год с небольшим опытный образец был готов. Электрическая скатерть – самобранка представляла собой клочек некрашеной холстины размером с мужской носовой платок. Она грелась и гудела как трансформатор, жрала десятки киловатт в час, но (а это главное) функционировала. Бутылка пива материализовывалась из воздуха в течение пяти часов. Правда, себестоимость, мягко говоря, отбивала всякую охоту мочить усы в таком хмельном напитке, ибо даже ящик «правой» водки стоил гораздо дешевле. Но Чулков что – то в конструкции заменил, подкрутил, подпаял и добился снижения энергозатрат на 5,5 процента. Грядущие перспективы этого грандиозного изобретения окрылили бы любого самоделкина...

Но как – то очередной бессонной ночью у распахнутого окна новая гениальная идея открылась Чулкову.

«Ну, это же так просто, как три рубля!» – хлопнул Сергей Петрович себя пухлой ладошкой по лбу.

О скатерти – самобранке он больше не вспоминал.

Быть уже не может

Артур Вениаминович, начальник одного из отделов, вошел в тот возраст, когда седина в бороду, а бес в ребро. Жена его, некогда красавица и хохотушка, стала раздражать. Подростеряла с годами Алла Леонидовна прежний шарм. Неинтересной сделалась, сварливой. По вечерам ее от телеэкрана не оторвешь. Все сериалы про любовь смотрит. А какая ей любовь, когда пенсия на носу.

Другое дело – Леночка. Ей чуть за тридцать, она разведена, ребенка на ночь маме отправляет. И в теле, и хохотушка. Леночка недавно устроилась на работу в отдел Артура Вениаминовича. И сразу всем понравилась. Легкая бабенка. Глазами бесстыжими стреляет, платья откровенные носит, курит без стеснения... Артуру Вениаминовичу она сразу в глаза бросилась. Своей какой – то особой доступностью.

Артур Вениаминович тоже уже подрастерял с годами свою мужскую привлекательность. Нажил за последние годы роговые очки, приличную плешь, двадцать килограммов лишнего веса и тахикардию. Но Леночка будто не замечала всех этих его недостатков. При встрече с Артуром Вениаминовичем где – нибудь в коридоре как бы случайно, без свидетелей, глаз у нее горел каким – то особым похотливым огоньком.

И Артур Вениаминович спекся. Он решил приударить на старости лет за Леночкой. Но на работе заниматься этим было несподручно и он решил приехать к ней в гости. Неожиданно. С подарками.

Заехали в магазин. Артур Вениаминович купил бутылку шампанского, котлет – пельменей, фрукты, торт. Рядом с магазином охапку пламенных роз. Водитель удивился такому поведению шефа, усмехнулся в седые усы, но промолчал. Он был приучен не задавать лишних вопросов и не совать свой нос, куда не следует.

Артур Вениаминович вошел в подъезд девятиэтажки, где на последнем этаже жила Леночка. Водителя он благоразумно отпустил. Нажал на кнопку вызова лифта. Нажал второй раз. Третий раз. Лифт не работал. И отправился Артур Вениаминович на девятый этаж своими ногами.

«Леночка – прелесть», – думал он, поднимаясь по первым ступенькам. Тяжелый пакет оттягивал руку. Но Артур Вениаминович был полон решимости.

«Какое же это безобразие – сломанный лифт», – мелькнула у Артура Вениаминовича мысль, когда он решил слегка отдохнуть на площадке между вторым и третьим этажами. Дальше двигаться ему было еще труднее. Началась одышка, сердце забилося учащенно, рука с пакетом начала неметь.

«Нет, это форменное безобразие!» – выругался вслух Артур Вениаминович, устроив длительный перекур на пятом этаже: «Просто скотство какое – то!»

На седьмом этаже он уселся на ступеньки отдышаться. Кровь мощно билась в виски. Сердце, яростно стуча больными клапанами, подкрадывалось к горлу.

«Ну, разве можно так высоко жить!» – взвыл Артур Вениаминович, роясь в карманах в поисках лекарства.

На девятый этаж он поднялся абсолютно обессиленным. На него жутко было смотреть. Лицо выдавало предынфарктное состояние. Артур Вениаминович опустил пакет и вялой, беспомощной рукой нажал на дверной звонок. Раздалась веселенькая мелодия. Артур Вениаминович вновь утопил кнопку. Без результата. На звонок отворилась соседняя дверь. В проеме показалась голова симпатичной старушки, закрученная в бигуди.

– Вам плохо, мужчина? – спросила старушка учтиво, глядя на безжизненное лицо Артура Вениаминовича.

– Я к Леночке, – едва промолвил он и стал сползать по стенке.

– К Леночке? – усмехнулась старушка. – К ней многие шастают, – она вышла на лестничную площадку и подхватила за руку Артура Вениаминовича. – Но помоложе, здоровее. Ты – то зачем приперся?

Но Артур Вениаминович только мямлил что – то невнятное в ответ и закатывал глаза.

Ночь он провел у Леночкиной соседки. Старушка к утру его выходила. А Артур Вениаминович долго потом оправдывался перед женой. Доказывая, что нет у него никакой молодой любовницы. И быть уже не может...

Старушкино мясо

Боря Трынкин, тридцатипятилетний мужик никак не хотел жениться. Мать его и так и сяк уговаривала, приводила примеры, стыдила и запугивала. Бестолку. Боря был поздним ребенком, воспитывался без отца. Он не отличался голливудской внешностью. Скорее наоборот; худой, низкорослый, белобрысый и щербатый. Женятся, конечно, и такие. Всякие женятся, если зададутся целью. Боря же на женский пол внимания не обращал, симпатичных женщин избегал, с остальными разговаривал невесело, даже грубовато. К тому же Боря страдал расстройством желудка. Съест на бегу пирожок и пиши – пропало. Поэтому и спиртное употреблял мало, от случая к случаю.

Работал Боря обходчиком на железной дороге. Работа совсем не кабинетная. Жара, стужа на дворе, ливень проливной, он под открытым небом, в мазуте. Правда, зарабатывал по меркам небольшого городка неплохо. Да не в деньгах счастье.

У Кузьмы Петрова, мастера и человека вполне пожилого и семейного случился очередной день рождения. Можно сказать, юбилей. Собрал он мужиков в подсобке, угостил водкой, салом с луком, картошкой. Кузьма Петрович шиковать не любил. Семейный все же человек: жена, дети, куча внуков по избе носят. Собрал он, значит, мужиков и Петю Трынкина пригласил.

Как водится, выпили за здоровье юбиляра, обсудили футбольные новости, политическую ситуацию в Венесуэле. Перешли к другим темам.

– Ты, Боря, когда женишься? – спросил Кузьма Петрович, хитро щуя глаз. – Матери – то, поди, тяжело тебя обхаживать.

– Да ладно, – Боря обреченно махнул рукой и резким движением поднес к губам стакан водки. – За тебя, Петрович!

Кузьма Петрович одобрительно кивнул головой. Но не отстал от Бори:

– Хочешь, я тебя просватаю?

– А мы подмогнем, – хихикнул грузчик Никаноров, степенный мужик, тоже из семейных.

И тут все как один загалдели. Все стали предлагать Боре свои услуги. Степаныч готов был помочь с автотранспортом, у Семеныча кто – то из родни держал кафе. У Юрия Борисовича, тоже мастера, сохранился свадебный костюм.

Галдели долго. Измучили Бориса. В конце – концов, он разозлился, коротко попрощался и отправился домой.

На пустынных улицах небольшого городка царствовала ночь. В небе сверкали звезды, под ногами скрипел снег. Боря свернул в переулок, вошел в подъезд, тихонько ключом открыл дверь. Мать – старушка уже спала. Боря не стал включать свет, разулся, скинул телогрейку и прошел на кухню. Он вдруг почувствовал зверский голод. На газовой плите стояла кастрюля. Боря открыл крышку, пахло вкусно. После водки, сала и лука душа требовала супчика. Боря схватил ложку и принялся хлебать прямо из кастрюли. «На фига мне жена!» – подумал он радостно. Супчик был еще теплым, тепло его приятно растекалось по желудку.

Вдруг в ложку попало что – то увесистое. Боря еще больше обрадовался. Мясо он любил. И отправил увесистый кусок в рот. Принялся жевать с усердием. Но получалось плохо. Боря жевал, а мясо не разжевывалось. Видно, старенькая говядина попалась. Устав изрядно Боря вынул кусок изо рта и выбросил его в кошачью миску.

Рано утром мать принялась будить Борю на работу. Едва он отпечатал глаза, как увидел лицо плачущей от горя старушки.

– Женится тебе пора, – причитала мать. – Помру скоро, пропадешь.

– Да хватит ныть! – обиделся Боря. – Никто мне кроме тебя не нужен!

– А кто же за тобой ухаживать будет?

– Ты и будешь.

– Старая я уже, сынок. Слабая. Даже сготовить тебе – сил нет.

– Я вчера отлично поужинал! – буркнул Боря, отворачиваясь к стене. – Суп был великолепный!

– Да не суп то был, – заплакала мать, всхлипывая, – То я кастрюлю не домыла. Сил не хватило. И кастрюлю прямо с тряпкой на плите оставила.

Тут – то Боря и понял, почему так тяжело вчера жевалось «мясо».

А мать – старушка заплакала еще горше.

Розыгрыш

А чудеса действительно встречаются. Надо только верить и ждать...

В небольшом городке жили Игорь и Наташа. Когда им исполнилось по двадцать лет, они познакомились, полюбили друг друга и вскоре поженились. Своего жилья у них не было, приходилось снимать крошечную комнату в коммунальной квартире. Жили Игорь с Наташей хотя и бедно, но счастливо. Однако, чужая молодость нередко раздражает. Чужое счастье часто вызывает черную зависть. Вот и невзлюбили Игоря и Наташу Павел Иванович с Ольгой Сергеевной – соседи, бездетная супружеская пара, безысходно ютившаяся в коммунальной квартире почти два десятка лет. Квартирный вопрос давно искалечил их души. Но Игорь с Наташей на соседскую злобу не обращали внимания, вежливо отвечали на грубость, всегда были веселы и беспечны. У молодости есть одно существенное преимущество – все лучшее впереди.

И вот накануне встречи Нового года коварные соседи решили зло пошутить над Игорем и Наташей. У Павла Ивановича в Москве жил старинный приятель, управляющий крупным коммерческим банком. Ему и было отправлено письмо примерно следующего содержания. Мол, так и сяк, поселились в нашей коммуналке молодожены, перебиваются с хлеба на квас, но всем довольны, ходят под ручку, целуются, смеются день и ночь. В общем, надо бы их проучить хорошенько. И сделать это так: прислать им по почте липовое уведомление на банковском бланке, мол, так и сяк, накануне Нового года банк провел благотворительную акцию в поддержку молодоженов. Компьютер методом случайного отбора выбрал вашу семью из огромного числа претендентов, и вам от нашего банка причитается денежный приз, эквивалентный 100 тысячам американских долларов. Эти деньги накануне Рождества вы можете получить в местном отделении Сбербанка... Далее были указаны мелкие подробности, которые по замыслу Павла Ивановича усиливали подлинность липового уведомления.

Отправив конверт, коварные соседи всю неделю ходили довольные в ожидании злого розыгрыша. И, действительно старинный приятель Павла Ивановича не подвел его. За день до Сочельника Игорь с Наташей получили странную банковскую бумагу, в которой сообщалось, что они являются обладателями грандиозной суммы денег. Вздвонованные этим известием, Игорь с Наташей тут же побежали поделиться своей радостью к соседям. И весь вечер они радовались вчетвером: Игорь с Наташей сумасшедшим деньгам, свалившимся на них будто манна небесная, Павел Иванович с Ольгой Сергеевной – удавшемуся розыгрышу, предвкушая страшную развязку.

В Сочельник же, когда Игорь к обеду вернулся из Сбербанка повод для веселья в коммуналке остался лишь у одной семьи. И это были Игорь с Наташей...

Чудеса действительно случаются. Надо только верить и ждать...

Банкир получил письмо, в котором Павел Иванович красочно описал материальные трудности и трепетную любовь Игоря с Наташей. И ему понравилась эта пара. И он решил помочь их любви, перевел деньги, потому как на рождество хорошими людьми принято хорошим людям дарить подарки...

А вот Павел Иванович с Ольгой Сергеевной так и продолжают жить в коммуналке. И большая часть денег уходит у них теперь на лекарства. После неудавшегося розыгрыша Павла Ивановича от злости разбил паралич.

Какие разные гаражи

Дарья Ивановна Кузина, утомленная тяжким бытом женщина сорока пяти лет, повстречала на базаре в торговых рядах свою бывшую одноклассницу Людмилу Петровну Старостину. И хотя обе они жили в небольшом городе, но не виделись лет десять. Так часто бывает, когда люди серьезно погружены в семейные жизненные проблемы.

Людмила Петровна выглядела свежее, взгляд ее голубых глаз не источал отчаянной усталости от жизни, морщины еще не успели заметно исцарапать лоб и уголки рта.

Обе они обрадовались неожиданной встрече и, отойдя в сторону, принялись рассуждать о своем житие – бытие. Сначала, как водится, вспомнили молодые годы с их беспечностью, когда сорок шестой размер одежды был слегка велик. Затем пожаловались на маленькую зарплату, низкое качество товаров и неудержимый рост цен. Поговорили немного о детях, внуках, свекровях, выпивших последнюю кровь.

– Ну, а Николай – то твой чем занимается? – спросила Дарья Ивановна, имея в виду мужа Людмилы Петровны.

– Да также работает механиком. Чего о нем говорить – то. Я его почти, что и не вижу. Он после работы до самой ночи в гараже торчит.

– И мой в гараже с рассвета до заката, – горько вздохнула Дарья Ивановна. – Так надоело, спалила бы этот гараж!

– Да и я бы спалила его к чертовой матери! Да как его спалишь, он ведь металлический.

– И у моего металлический.

Обе женщины горько вздохнули, хорошо понимая друг друга.

– Николай у меня, – продолжила Людмила Петровна, – вроде как умом слегка тронулся.

– Да ты что?

– Ну, да. В позапрошлом году задумал он смастерить мотодельтаплан. Из велосипедных деталей. Недели две из гаража не вылезал.

– Смастерил?

– Еще как смастерил. Начал испытывать, навернулся, сломал руку. Месяц в гипсе провел. Ну не придурок?

Дарья Ивановна ничего не ответила, а лишь обреченно пожала плечами.

– А в прошлом году, – зло усмехнулась Людмила Петровна. – Николай задумал смастерить аэроплан. Из велосипедных деталей. Два месяца из гаража не вылезал.

– Смастерил?

– А то! Начал испытывать, навернулся, сломал ногу. Месяц в гипсе провел. Ну, ты скажи, не придурок?

Дарья Ивановна вновь пожала плечами.

– И что ты думаешь? – продолжила Людмила Петровна. – Думаешь, он успокоился? Шиш! Теперь он мастерит какую – то ракету с реактивным двигателем. Из велосипедных деталей. После работы сразу в гараж! Я его уже полгода толком не вижу.

– Пьет? – спросила Дарья Ивановна.

– Кто?

– Николай.

– Да что ты, ни капли.

– Мой тоже из гаража не вылезает, – обреченно сказала Дарья Ивановна.

– Да? – удивилась Людмила Петровна. – И что он у тебя мастерит?

– А ничего. Он в гараже беспробудно пьянствует...

Образцовый хозяин

Домовой Тришка проснулся в плохом расположении духа. Накануне он праздновал день рождения и маленько перебрал. Домовой Кузя из соседнего подъезда его сколомутил. Как известно, пиво с водкой лучше не смешивать в одном желудке. Да разве Кузе докажешь? Он же высокого мнения о себе. Он раньше в Москве жил, в высотке на Котельнической набережной, интеллигент. А Прошка, домовой с соседней улицы в деревне родился, образования – нуль. Ну и припер на день рождения бутылку самогона. В общем, почудили. И проснулся домовой Тришка нехотя, встал не с той ноги.

А у домовых забот не меряно. Надо в доме порядок поддерживать! Кто – то должен в квартире бардак устранять.

Перво – наперво проверил Тришка спальню хозяев. Вроде бы солидные люди, оба с высшим образованием. Павел Григорьевич так вовсе – солидный начальник. А носки свои вечно по комнате разбрасывает, пижаму скомкает, окурки в пепельнице оставит. Да и Светлана Григорьевна не лучше. Постель заправляет кое – как, пижаму скомкает, бигуди по столу раскатает.

Тришка не гордый. Тришка приберется. Хотя и чувствует себя с похмелья не в лучшей форме.

В спальне у Оксанки, дочери их прыщавой девятнадцати лет вечно бардак. Оксанка постель заправляет кое – как, пижаму скомкает, носки по комнате разбросает, бигуди по столу раскатает и окурки в пепельнице оставит.

Тришка не гордый. Тришка приберется. Хотя и чувствует себя на двести пятидесятом году жизни не в лучшей форме.

Дальше домовой идет наводить порядок на кухню. Надо крошки со стола смести, в туалете воду в унитаз спустить. Дел у Тришки много. Кто, кроме него, паутину по углам сметет? Кто комнатные растения на подоконниках польет? Кто ковер пропылесосит?

Часа два Тришка работал, не покладая рук. Умаялся. Занавески погладил, хрусталь в серванте протер, реферат Оксанке по теории относительности за второй курс университета написал.

Вдруг звонок в дверь.

– Кто там? – спросил Тришка настороженно.

– Свои, – донесся глухой голос.

– Кто свои?

– Да это мы, домовой Кузя из соседнего подъезда и домовой Прошка с соседней улицы.

– Чего вы пришли? – Тришка заподозрил неладное.

– Как чего? – удивился Кузя. – Похмеляться. У нас с собой пиво!

– И вобла, – добавил Прошка счастливым голосом.

– Нет, ребята, – взмолился Тришка. – Я не могу.

– Почему? – расстроился Кузя.

– Не могу, – тяжело вздохнул Тришка, – мне еще носки Павлу Григорьевичу штопать!

Домовой Тришка – очень ответственный, образцовый хозяин.

Крысин и Доилов

Леха Крысин очень гордился своим положением в обществе. Все у него в жизни было замечательно. Квартира просторная с лоджией во двор, жена красавица и рукодельница, детишек двое: мальчик и девочка. Конечно, счастье такое необходимо не только ежедневно оберегать, но и подпитывать деньгами. А деньги у Лехи водились. На работе его ценили. За безудержное служебное рвение, здоровый патриотизм и понимание сути своего ремесла. Работал младший сержант Крысин мытарем по дороге. Вернее, он служил в автоинспекции автоинспектором. На пару со старшим сержантом Пашей Доиловым они в кустах на первом загородном перекрестке блюли правила дорожного движения. Свято и бескорыстно. Они бы и дальше, не задумываясь, с упоением регулировали движение на перекрестке, не случись с ними недавно одна непонятная история.

В этот теплый весенний день пышно цвела черемуха и по голубому небу лениво плыли белые барашковые облака. День клонился к вечеру. Выдался он удачным, денежным. Можно, было, и расслабиться, но стражи порядка держали ухо остро и глаз начеку. Имелись еще нерастраченные силы и удаль молодецкая...

Вдруг откуда не возьмись на лихой скорости к перекрестку стал приближаться автомобиль неопределенной модели.

– Опаньки! – обрадовался Леха, выскочил из кустов на дорогу и на уровне плеча поднял полосатый жезл.

Паша, отряхивая штанину, направился к Лехе. Он еще не прожевал кусок сала, которым заедал портвейн, а выплюнуть пищу ему было жалко.

Автомобиль резко затормозил в нескольких метрах от участков милиционеров. Был он какой – то странный этот автомобиль. Не то «Волга», не то «Жигули». Не то белого цвета, не то зеленого. Все стекла, включая и лобовое, были густо затонированы.

Леха ленивой походкой подошел к водительской двери и жезлом постучал по крыше загадочной машины.

– Младший сержант Крысин, – гнусавым голосом представился Леха. – Па – пра – шу документы.

В ответ – тишина.

– Не понял! – обиделся Крысин. – Ты че мужик, оборзел?!

Леха резким рывком распахнул дверь. На водительском кресле никого не было. Крысин мельком оглядел салон – пусто.

– Что за черт! – удивился Крысин. – Паша, иди сюда!

Доилов ленивой походкой подчалил к автомобилю.

– Что за черт, там никого нет! – растерялся Леха.

Паша, перестав жевать, медленным взором изучил салон. Он проверил все сиденья и места под ними.

– Что за черт! Где же он? – разозлился Паша.

– А ну вылазь, гад! – нервным криком приказал Крысин кому – то невидимому и неосязаемому. – Вылазь, хуже будет!

В ответ – подозрительная тишина. Доилов недоуменно посмотрел на Крысина и вынул из кобуры пистолет. Крысин испуганно посмотрел на Доилова и тоже достал оружие.

– Ну – ка, багажник проверь! – приказал Паша. Он вспомнил и ощутил, что является на данный момент старшим по званию.

Крысин с испугом открыл багажник. Он оказался абсолютно пустым. И только в самом углу его лежала какая – то мелкая вещичка. Вроде брелка для ключей.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Доилов.

– Пусто.

– Что за чертовщина! – выругался Паша и сам заглянул в багажник. – А это что? – он достал брелок и оба участковых автоинспектора уставились на него с недоумением. На тоненьком стальном колечке висел небольшой мохнатый чертенок.

– Не понял! – Удивился Доилов.

Вдруг чертенок резко открыл свои глаза. Они вспыхнули словно раскаленные угольки. Взгляд был жесткий, ненавидящий. Паша с Лехой только и успели рты раскрыть.

– Не грабьте на дорогах! – густым басом рявкнул чертенок...

– А! А! А! – заорал Крысин, отбрасывая брелок в сторону...

– Ты чего? Ты чего, Леша? – Света, жена лихорадочно трясла Крысина за плечо. – Тебе плохо?

Леха разлепил глаза, увидел озабоченное лицо супруги и обрадовался.

– Сон. Сон дурацкий приснился, – с глупой улыбкой произнес Крысин.

– Слава богу! – Света заботливо прижала голову супруга к своему животу. А я уже испугалась, думала – инфаркт!

На работу Крысин опоздал. Впервые за три года непорочной службы. Он устало шел по коридору своего отдела. В невероятной задумчивости, не обращая внимания на сослуживцев.

– Леха! – окрикнул его знакомый голос.

Крысин медленно обернулся. Рядом стоял Доилов. Тоже невероятно задумчивый, с озабоченным выражением лица:

– Ты чего не здороваешься?

– Сон мне дурацкий приснился, – тяжело вздохнул Леха.

– Да? – испугался Доилов. – Сон? И мне сон приснился. Дурней некуда. Хочешь, расскажу?

И они пошли в курилку делиться снами.

...В то теплое весеннее утро пышно цвела черемуха и по голубому небу лениво плыли белые барашковые облака. Цвела черемуха... И источала она такой сильнейший аромат, от которого дурманились даже не очень впечатлительные головы.

Повышенной каратности и изумительной чистоты

Сысой Никодимович Фуражкин, пенсионер со стажем по привычке ковырялся в огороде. Выйдя на заслуженный отдых, он не утратил интереса к жизни, не мог сидеть дома, сложа руки, постоянно искал и находил чем ему заняться. В отличие от своей супруги Дарьи Матвеевны, которая с утра до ночи хворала все четыре сезона года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.